

Историографии научных дисциплин и/или исследовательских областей их составляющих известно немало способов изложения, и история русской экономической науки здесь не исключение. Но если одни дисциплины печалит отсутствие среди модусов изложения их историографии истории идей с ее вниманием к «смене парадигм» или «дискуссионных фокусов», то историографии экономической науки впору горевать о засилье на ее проблемном поле как раз истории идей, истории мысли.

А между тем, историко-мыслительный подход в историографии страдает недостатком, именуемым презентизмом, вследствие которого весьма избирательно подходит к прошлому, будучи занят в нем поиском только того, что «льет воду» на мельницу современного знания, господствующих в нем представлений. И, напротив, игнорирует все то, что «не выдержало проверки временем», хотя бы это и формировало облик экономической науки в прошлом.

Тем любопытнее обратиться к работам, которые не ставили своими задачами ни «критическое исследование» построений экономистов, ни их классификацию и оценку (зачастую идеологически заданную), а преследовали скромную цель — знакомство читателей с явлениями, событиями в этой научной области, позволяющими составить представление о текущем ее состоянии и намечающими вектор последующего движения.

И одной из первых, если не первой, в не слишком длинном ряду подобных работ в историографии русской экономической науки, стоит статья Виктора Александровича Гольцева (1850–1906) «Движение русской экономической науки» (1885), которую слишком долго и незаслуженно именовали «беглой характеристикой состояния» этой отрасли знания. Между тем, в этом беглом обзоре автор сумел подметить и бедность теоретической мысли в русской экономической науке, и пристальное ее внимание к общинному землевладению, и развитие историко-экономических и статистических исследований, и еще много других особенностей, сложившихся в пореформенное двадцатилетие, которые будут еще долго определять траекторию ее развития.

Ученик И.К. Бабста, И.И. Янжула, В.Н. Лешкова он должен был стать, после защиты в 1878 г. магистерской диссертации, преемником последнего на кафедре полицейского (административного) права Московского университета, но в силу обстоятельств стал известным публицистом, не потерявшим интереса и вкуса к науке, которой ему не дозволено было заниматься.

В.А. Гольцев

ДВИЖЕНИЕ РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ*

Переиздание статьи В.А. Гольцева, увидевшей свет в 1885 г. на страницах журнала «Русская мысль». Содержит характеристику основных направлений развития отечественной экономической науки, сложившихся в пореформенный период.

V.A. Goltsev

RUSSIAN ECONOMIC SCIENCE TRENDS

Reprint of the article, written by V. A. Goltsev and first published in the «Russkaya mysl» magazine in 1885. The article contains characteristic of the most essential trends in the process of Russian Economic Science development that had formed during the post-reform period.

Слабое развитие у нас теоретической мысли. — Разработка вопросов общинного землевладения. — Вопрос о пределах и формах государственного вмешательства в народнохозяйственную жизнь. — Исследования об артелях. — Общее экономическое состояние России. — *Pia desideria*.

Еще не далеко то время, когда немногие русские экономисты только повторяли западноевропейские теории, когда совсем не появлялось у нас самостоятельных экономических исследований иначе как в виде редкого исключения (таково, например,

---

* Печатается по: Гольцев В. А. Движение русской экономической науки / В. А. Гольцев // Русская мысль. — 1885. — Кн. 3. — С. 60–77.

известное сочинение Н.И. Тургенева¹). Памятная эпоха освобождения крестьян вызвала усиленное внимание к экономическим вопросам и выдвинула писателей, которые могли бы занять достойное место и среди политико-экономов Запада. Достаточно указать на переводчика и критика *Оснований политической экономии* Д.С. Милля². С тех пор не прерывалась деятельная разработка разных экономических, историко-экономических и статистических вопросов. Должно заметить, однако, что мы и до сих пор не богаты выдающимися сочинениями по теоретической политической экономии. Быть может, одною из причин этого явления служит малое расположение русского ума к отвлеченной работе мысли, ведь мы и метафизику отбросили так скоро и легко именно по этой причине, даже не познакомившись с нею своевременно и как следует. А тут подспела историческая школа в политической экономии в Германии, затем немецкая же школа так называемых социалистов кафедры. Классические экономисты, Смит³ и Рикардо⁴, долгое время не находили себе на Западе вполне достойных продолжателей. Вместе с тем, благодаря ряду недоразумений, классическая школа политической экономии была отождествлена с манчестерскою школою экономической политики. Писатели этого последнего лагеря требовали полного невмешательства государства в народнохозяйственную жизнь, настаивая на том, что как говорит одно из действующих лиц в романе Джорджа Элиота⁵, условия оптовой и розничной торговли предопределены Провидением. На русской почве манчестерство не могло пустить глубоких корней. Но оно, к сожалению, скомпрометировало теоретическую политическую экономию. Гипотетический (дедуктивный) метод был признан ненаучным, и все бросились за собирание фактов, исторических и статистических. Между тем, очевидно, что теоретическое построение и историческое изучение не могут заменять друг друга. Плодотворность и необходимость последнего не подлежит ни малейшему сомнению; не должна бы подлежать сомнению и закономерность первого. В истории и в статистике мы имеем дело всегда со сложными явлениями, которых нельзя разложить на составные части с научною точностью. «Цифры, доставляемые статистикою, — говорит переводчик Милля, — чрезвычайно важны. Но они часто бывают недостаточны для решения

именно самых коренных вопросов, вопросов о вредном или полезном влиянии каждого из основных элементов общественной жизни, рассматриваемой со стороны материального благосостояния. Статистический факт обыкновенно бывает явлением очень многосложным, зависящим от действия многочисленных элементов, перепутывающихся в нем своими влияниями так, что трудно бывает без особенных облегчающих дело способов распознать, какая роль принадлежит в нем известному элементу». На страницах *Русской мысли* уже несколько раз указывалось на то, что в Германии началось движение против злоупотреблений историческим методом, против исключительного господства этого метода в исследовании явлений экономического порядка (в последний раз говорили мы об этом в библиографической заметке о сочинении Менгера⁶).

В нашей новейшей экономической литературе мало разрабатываются методологические вопросы. Их подымает профессор Янжул⁷ во второй части своего известного сочинения *Английская свободная торговля*. Воззрения, высказанные в предисловии к этому историческому исследованию, вызвали возражения (в *Юридическом вестнике*). Воззрения эти отличаются, по нашему мнению, некоторою односторонностью и неправильностью. Г. Янжул повторяет ошибку многих и многих политико-экономов, смешивая подчас экономические законы с экономическими принципами, то есть результаты чисто научного исследования с руководящими началами экономической политики. С другой стороны, почтенный профессор высказывается самым решительным образом за перестройку политической экономики индуктивным методом. Между тем, если в общественных науках и возможен самый несовершенный вид индукции (*per enumerationem simplicem*, через простое перечисление), то лишь при условии исследования именно общественных (сложных), а не экономических (простых) явлений, ибо простота последних чисто гипотетическая. В жизни народа не происходит ничего только хозяйственного. Отдельные факты подобного рода могут существовать и существуют действительно: ряд сделок между разными лицами может носить исключительно экономический характер. Но не было и быть не может такого человека, который во всех экономических вопросах поступал бы руководст-

вуюсь всегда одними экономическими соображениями. Если методом политической экономии должен быть метод историко-статистический, то эта наука лишается всякого самостоятельного значения. Она становится тогда ветвью социологических исследований и никаких экономических законов выставлять не может. В последнее время появилась хорошая работа по этому вопросу г. Левитского⁸ (*Юридический вестник*, 1884, декабрь). Она вызвана тем движением в новейшей экономической литературе Германии, о котором мы упомянули, и ставит вопрос на правильный путь.

Бедность теоретической мысли в русской экономической науке* искупается в значительной мере богатством в монографических исследованиях народнохозяйственной жизни, прошлой и современной. Редко выходит у нас книга, подобная труду г. Зибера¹¹: *Теория ценности и капитала Д. Рикардо***; зато появляется много работ, проливающих свет на происхождение и значение общинного землевладения и на другие вопросы, имеющие, помимо теоретического, чрезвычайный жизненный интерес. Еще в старых сочинениях, где говорилось о русской общине, можно встретить указания на западноевропейскую науку, на те плодотворные результаты, к которым приходили иностранные ученые, изучая у себя поземельные отношения. Так, у покойного профессора Лешкова¹², в его книге о русском народе и государстве, мы находим ссылки на Маурера¹³ и предположения о том, как первоначальные кровные отношения изменились в отношении по соседству. Но господствовавшее у нас воззрение признавало русскую общину за особое, исключительное явление. Долгое время нам твердили, что никогда и нигде не было ничего подобного нашей сельской общине, нашему миру, и это заблуждение разделялось западными учеными. Уже со времени выхода в свет известного исследования Гакстгаузена¹⁴ в Европе стали интересоваться особенностями русского поземельного строя, и только после длинного ряда исследований был раскрыт исторический

---

* Мы говорим, разумеется, про напечатанные произведения. Лекции профессоров Чупрова⁹ и Иванюкова¹⁰, если бы были напечатаны, составили бы очень ценное приобретение политической экономии. Курс г. Иванюкова, впрочем, печатается.

** Нас извещают, что на днях отпечатано новое сочинение г. Зибера: Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях.

процесс, в котором изменялись формы землевладения. Мы вовсе не хотим сказать этим. Что русское общинное землевладение не отличается ничем от общинного владения землей в других странах во времена давно минувшие. Один тот факт, что община существует у нас *теперь*, после всего пережитого Россией хотя бы со времени Петра Великого, не может не придать этому явлению особых и важных признаков. Кроме того, в общине, в мире отражаются и национальные особенности русского человека, потому что эта община захватывает далеко не одни только экономические интересы. Все это вполне справедливо, но нельзя не признать большой заслуги за теми русскими учеными, которые содействовали распространению правильного взгляда на мировое значение общинного землевладения. Помимо чисто-научной важности этих исследований, они принесли, по нашему мнению, практическую пользу. В самом деле: если община является существенною особенностью русского народного духа, если, при этом, ни один народ подобною особенностью не обладал, то нечего и беспокоиться о судьбе нашей сельской общины. Она переживет всяческие невзгоды, преодолеет всевозможные препятствия и может погибнуть лишь с нравственным или физическим уничтожением русского народа. В противоположном случае, когда доказано, что община была у многих народов (что она была у всех, этого, строго говоря, современные исследования не доказали), возникают вопросы: отчего разложилось общинное землевладение? Нет ли в таком разложении роковой неизбежности? Не грозит ли подобная участь и нашей общине? Для правильной постановки этих вопросов особенное значение и приобретают такие исследования как труд профессора Ковалевского¹⁵: *Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения*. Эта книга не получила в русской экономической литературе вполне достойной ее оценки. По нашему мнению, она принадлежит к числу немногих, поистине самостоятельных научных работ, т.е. таких работ, которые имеют значение не в России или для России исключительно, а в науке и для науки. Подобные исследования действительно устанавливают с возможною в общественных науках точностью преемственную зависимость явлений исторической жизни. Автор доказал происхождение частной собственности (во многих странах) из

первобытно-общинной, с одной стороны, и пагубное влияние европейской колониальной политики, искусственно разлагающей общинное землевладение в неевропейских странах, с другой стороны. Такова заслуга профессора Ковалевского. Он выбрал эпиграфом к своей книге слова Спинозы¹⁶: «Не плакать, не смеяться, а понимать». Да, конечно, и плач, и слезы помешали бы беспристрастному изучению, научной работе мысли, перед которою мы останавливаемся с глубоким уважением. Но вопрос об общине есть для русского народа жизненный, основной вопрос. Если я враг общинного землевладения и мне доказано, что оно везде было и везде разложилось, то как же мне не радоваться? А если я сторонник общины, то как могу я не плакать?

Исследования русского общинного землевладения (г-жи Ефименко^{17*}, гг. Лалоша¹⁸, Соколовского¹⁹, Щербины²⁰, в последнее время профессора Лучицкого²¹ и др.) пролили яркий свет на происхождение этого землевладения, на его, так сказать, второобразования, на условия, при которых росла и падала община. Известный труд земского статистика г. Орлова²² — *Формы крестьянского землевладения в Московской губернии* прояснил другую сторону вопроса; современное положение, хозяйственные распорядки, мелкие, но чрезвычайно важные в таком практическом вопросе подробности обыденной экономической жизни русской общины выступили впервые в такой тщательной, точной и умелой обработке. Мы не имеем в виду представить очерка развития русской экономической науки: это может быть делом лишь обширного критического исследования. Мы отмечаем лишь такие явления в этой области, которые, на наш взгляд, характеризуют движение экономической науки в России. Не случайность, разумеется, что больше всего написано у нас об общине: самые основные вопросы связаны с нашею поземельною общиною, противоположные мировоззрения сталкиваются при обсуждении ее вреда и достоинств. Читатели, быть может, помнят, какую бурю подняли в обществе диссертации Посникова²³: *Общинное землевладение* (магистерская и докторская). В разгаре полемики научная сторона вопроса была отодвинута на задний план. Сильно заговорили затронутые интересы, раз-

---

* Этот труд был напечатан в Русской мысли.

вернулись скверные инстинкты. Г. Посников доказал, что при временном пользовании землей вполне возможно правильное развитие сельского хозяйства. Английские фермеры, нанимающие землю на сравнительно короткие сроки, находят возможным и выгодным производить в земледелии весьма существенные улучшения, расходовать на это крупные средства. Спрашивается: почему же не может улучшать способы обработки земли русский общинник? На каком, стало быть, основании покоится утверждение, что общинное землевладение неминуемо ведет к сельскохозяйственному застою?

Труды профессора Посникова много содействовали выяснению жгучего вопроса о том, следует ли разрушать или поддерживать общинное землевладение. Доказательства в пользу того и другого мнения давно уже представлялись в нашей экономической литературе; но теперь они получили более фактическую окраску. Многочисленные статистические исследования (преимущественно земские) собрали множество драгоценных данных. В нашем журнале об этих исследованиях говорилось уже много раз. Они (в особенности труды московского земского статистического бюро, руководимого г. Орловым) обратили на себя внимание и в западноевропейской экономической литературе. Правда, исследователи вдаются иногда в самые мелкие подробности народнохозяйственной жизни, которые не имеют никакого научного значения; но не надо забывать, что земские статистики обязаны, прежде всего, удовлетворять практическим земским нуждам, отвечать на те вопросы, разрешение которых необходимо для местного самоуправления.

Вопрос об общинном землевладении не утратил, конечно, и до настоящего времени своего глубокого значения. Появись теперь сочинение вроде книги г. Посникова или князя Васильчикова²⁴ (*Землевладение и земледелие*), немедленно начнется ожесточенный спор. Быть или не быть нашей общине, — это резко разделяет русское общество на два враждебные лагеря. Какое положение занимает в этом вопросе *Русская мысль*, читателям, разумеется, известно. Статья профессора Иванюкова, напечатанная в январской книжке нашего журнала, — статья, в которой развиваются основные взгляды на общинное землевладение К.Д. Кавелина²⁵ и резюмируются все, до настоящего

времени по этому поводу сделанное, облегчит каждому выработку на русскую общину самостоятельного и верного взгляда. К.Д. Кавелин говорит: «Очень немногие понимают, что то, что разумеется теперь под общинным владением, есть лишь обветшалая его форма, которая должна замениться другой, отвечающей нарождающемуся индивидуализму и потребностям более высокой культуры, в сторону которой мы понемногу движемся». Совершится ли это изменение постепенным превращением существующей формы общинного землевладения в лучшую, или нынешняя община разложится, — для решения этого вопроса нет достаточных данных. Если мы, с одной стороны, присутствуем при возникновении новых форм общинного владения землей и новых приемов ведения хозяйства, то, с другой стороны, многочисленные данные свидетельствуют о распадении старой общины. Мы отсылаем за подробными указаниями на грозные признаки разложения общинного землевладения к сгруппированной их статье г. Анисимова²⁶ (*Вестник Европы* 1885 г., январь). Закрывать глаза не следует и утешаться идиллическими описаниями силы народного духа крайне опасно: в это время кулак может *слопать* общину. Вопрос о том, что мы составляем исключительное явление, что не только в землевладении, но и в экономической культуре вообще, для нас Европа не указ, был недавно прямо и решительно поставлен г. В.В.²⁷, автором книги *Судьбы капитализма в России*. Благодаря таланту автора и фактическим данным, которыми он искусно пользовался для защиты своего основного положения, книга имела выдающийся успех и создала г. В.В. многих сторонников. Теперь это увлечение проходит, если уже не прошло. Г. В.В. защищал парадоксальную мысль, но книга принесла пользу: она односторонне, зато ребром поставила вопрос, вызвала возражения и, таким образом, содействовала правильному разрешению вопроса. Г. В.В. не доказал *исторической невозможности развития капиталистического производства в России*, но он обнаружил выдающуюся силу теоретической мысли. Факты, свидетельствующие о развитии у нас крупного производства, о победе фабриканта над кустарем, множатся на наших глазах. Мы не будем на этом настаивать, так как это вопрос достаточно выясненный, да он и не может подлежать обсуждению в этом обзоре. Мы отметим лишь

ту роль, которая принадлежит русской экономической науке в области исследования условий, содействующих или препятствующих развитию промышленности в государстве.

Автор обширного исследования об *Английской свободной торговле*, о котором мы уже упоминали, приходит к следующим заключениям: «Свободная торговля, как и протекционизм, составляют лишь исторические формы существующего экономического строя, имеющие свои хорошие и слабые стороны, и приписывать именно той или другой из них дурные результаты и аномалию всего настоящего народного хозяйства было бы крайне легкомысленно и несправедливо, как и отрицать в каждой из них свои хорошие стороны» (стр. 468). Г. Янжул говорит далее, что при существующей экономической организации, покровительственная система или система свободной торговли одинаково не могут иметь решающего значения для народного (в смысле массы населения) благосостояния. «Борьба интересов всегда приведет к тому, что в проигрыше окажется слабейшая в политическом, экономическом и интеллектуальном отношении партия. Лишь в том случае, если когда-нибудь *существенно* изменится ее (Великобритании) современная экономическая и политическая организация, можно будет ожидать и существенного изменения в означенном выше смысле значения и влияния той или иной формы международных торговых сношений. До тех же пор всякая подобная реформа, все равно, в ту или другую сторону, будет иметь значение лишь паллиатива» (стр. 475). Это утверждение знаменательно: действительно, на почве исключительно *индуктивизма*, изучая экономические явления только исторически, к иному выводу и прийти нельзя. Покровительственная система иногда хороша, иногда вредна, — все зависит от обстоятельств; свободная торговля вредна или полезна, смотря по условиям данной среды и определенного времени. Нужно заметить впрочем, что г. Янжул в других своих сочинениях сильно склоняется в сторону протекционизма, но при этом впадает в ошибку, которая была указана г. Головачевым²⁸. Г. Янжул противопоставляет свободную торговлю не системе, стесняющей такую торговлю, — как это следовало бы сделать, — а государственному вмешательству в народнохозяйственную жизнь вообще. Несостоятельность этой точки зрения очевидна. Мож-

но быть решительным сторонником свободной торговли России с иностранными державами и, в то же время, иметь полное основание требовать государственного вмешательства для регулирования отношений между предпринимателями и рабочими. Если рассматривать данный вопрос теоретически, то нельзя не прийти к тому заключению, к которому давным-давно пришел знаменитый министр Генриха IV, Сюлли²⁹: «Различные страны отличаются различными физическими условиями; вследствие этих естественных особенностей необходимо распределение отраслей производства; при существовании свободного обмена каждая страна, производя товары, наиболее свойственные ее почве и климату, вступает в тесную связь с другими странами, ко всеобщему благосостоянию» (Гольцев: *Государственное хозяйство во Франции XVII века*³⁰, стр. 20). Что может быть, теоретически говоря, правильнее этого воззрения? В действительной жизни неминуемы явления, которые усложняют вопрос, парализуют или извращают благодетельное действие начала свободной международной торговли, и Сюлли жестоко ошибался, полагая возможным полное осуществление такой торговли для Франции начала XVII века. Покуда существуют самостоятельные, недоверчиво или совершенно враждебно относящиеся друг к другу государства, до тех пор между ними не установится безусловно-свободного обмена товаров, но это, по нашему мнению, ничуть не колеблет правильности принципа свободной торговли. Мы можем вычислить во сколько времени упадет с определенной высоты определенное тело; но на самом деле сопротивление воздуха замедляет действительную скорость падения, а посторонние предметы могут и совсем не допустить тело упасть на землю. Правильность нашего первоначального утверждения от этого нисколько не нарушается. Спешим оговориться: приведенным примером мы отнюдь не хотим отождествить математические выводы и законы точных наук вообще с положениями теоретической политической экономии (чистой и прикладной). Мы думаем только, что было бы основательно выставить следующий тезис: свобода международной торговли есть правило; для данного народа в определенное время может быть *выгодно* установить покровительственную систему; но наличие подобных условия должна быть не предполагается, а

доказываема. Прибавим, кстати, что построения теоретической экономической науки относятся не к русскому, французскому или английскому народу, а к гипотетическим членам международного союза X, Y, Z и т.д.

Вопрос о вмешательстве государства в народнохозяйственную жизнь получил у нас довольно значительную обработку. На первом месте мы должны указать в этом отношении на сочинение профессора Иванюкова: *Основные положения теории экономической политики*. Сочинение это появилось первоначально в Русской мысли, а потом вышло отдельной книгой, в двух изданиях. Книга не свободна от некоторых недостатков; в ней встречаются и довольно важные противоречия; но она написана живо, талантливо и основательно знакомит русских читателей с школою немецких катедер-социалистов или, как называет ее г. Иванюков, с реалистическою школою в экономической науке. Эта школа «признает необходимость компромиссов между принципом справедливого распределения и требованием возможно большего производства. В первом случае осуществляется *правовой элемент*, во втором — *экономический*» (стр. 199). Катедер-социалисты заявляют о своей преданности политической свободе, но настаивают на государственном вмешательстве в народнохозяйственную жизнь. «Помещая государство в общее течение исторического прогресса, они признают, что его задачи должны быть, смотря по условиям культуры, то шире, то уже. Но никогда не считают они государство, подобно естественному праву и манчестерской школе, необходимым злом, которое нужно ограничивать. Для них государство есть всегда величественное нравственное учреждение для воспитания человеческого рода» (слова Шмоллера³¹, приведенные в книге Иванюкова). Но такова уж ирония судьбы: шмоллеровское введение нравственных начал в экономическую науку повело к возвеличению бисмарковской Германии, как во время оно абсолютные идеи Гегеля³² пошли на относительную службу прусской бюрократии и милитаризму.

Несомненно, что государство и общество не могут оставаться равнодушными к судьбе слабого, малолетнего или больного члена общегития. Прийти к нему на помощь в подобных случаях побуждает и справедливость, и расчет. Но нам непонятно

ожесточенное нападение на *естественное право*. Разве у человека нет естественных прав? В нашей экономической литературе идея государственного вмешательства нашла себе вполне достойных представителей. Кроме книги г. Иванюкова, который поднял вопрос на теоретическую высоту, — в чем заключается выдающаяся заслуга этого ученого, — мы можем указать на несколько превосходных работ в этом отношении. В вопросе об упорядочении путем закона отношений между предпринимателями и рабочими первое и наиболее почетное место принадлежит трудам профессора Янжула. В ряде статей он разъяснял русскому обществу важность этого вопроса и указывал на то, что пришлось в соответствующих случаях пережить европейскому Западу. Г. Янжул принял деятельное участие и в практическом решении вопроса. Его отчет как фабричного инспектора московского округа, смело может быть поставлен вместе с отчетом владимирского фабричного инспектора доктора Пескова³³, наряду с лучшими работами английских, швейцарских и германских фабричных инспекторов. Исследования г. Янжула в области российской и иностранной фабричной жизни и законодательства принесли весьма значительную практическую пользу и долго будут еще иметь вполне заслуженное влияние. Работам г. Янжула отчасти предшествовали, отчасти сопутствовали санитарные исследования фабрик и заводов, произведенные по поручению земства. В области этих исследований главная заслуга принадлежит профессору Эрисману³⁴ и врачам Осипову³⁵ и Погожеву³⁶. Труды названных лиц показывают, как в настоящее время тесно переплелись общественные вопросы с вопросами медицинскими, как настоятельно необходимо для юриста и экономиста знакомство с основаниями наук естественных. Только высокомерие узко понимаемой профессии может отвергать эту все более и более крепнущую связь. Данные, собранные и обработанные гг. Эрисманом, Песковым, Погожевым, Осиповым и некоторыми другими лицами, представляют драгоценное приобретение не для науки только, но и для фабричного законодательства. В деле упорядочения детской работы на фабриках нам посчастливилось обогнать некоторые европейские (правда, второстепенные) государства. Оппозиция фабричному законодательству до сих пор не прекращается на Западе, и француз-

ские, например, экономисты манчестерской школы не без злорадства отмечают каждую неудачу в этом отношении, нередко очень преувеличивая ее, в Великобритании или Германии. Так, в январской (за нынешний год) книжки *Journal des economistes* напечатана, исполненная зловещих предсказаний, заметка по поводу немецкого закона о страховании рабочих на случай болезни. Закон этот вступил в силу только с 14 декабря н.с. прошлого года, и *Journal des economistes* чересчур поторопился. Впрочем, принятый германским рейхстагом закон отличается крупными недостатками.

Не менее важны труды русских экономистов и в области железнодорожного хозяйства. Говоря это, мы имеем в виду исследования г. Головачева и профессора Чупрова. *История железнодорожного дела в России*, появлявшаяся первоначально в Сборнике государственных знаний и вышедшая потом отдельной книгой, является незаменимым пособием для каждого, интересующегося историей сооружения наших рельсовых путей. Уважаемый автор этого превосходного исследования приходит к следующим заключениям (заметим, что хронологический предел *Истории железнодорожного дела в России* составляет 1873 год). К 1879 году акционерного капитала железнодорожных компаний, принадлежащего частным лицам, считалось 482 493 428 р., долги же государству составляли 525 193 321 р., т.е. превышали совокупность акционерных капиталов на 42 789 894 р. «Но так как реализация акций производилась далеко не по номинальной их стоимости, а лишь за 70–80%, то из акционерного капитала придется скинуть еще добрые 100 миллионов рублей, и тогда окажется, что у гг. акционеров не имеется обеспечения и на 2/3 рубля правительственного долга, не говоря уже о сумме облигационного капитала». С 1879 года долги железнодорожных обществ быстро возрастали и г. Головачев имел все основания подвергнуть решительному осуждению существующую систему железнодорожного хозяйства. Сооружение рельсовых путей, — говорит он, — и их эксплуатация «суть удовлетворение одной из самых насущных потребностей государственной жизни и по количеству необходимых затрат должны сохранить за собою монопольный характер. Если же для удовлетворения какой-либо общественной потребности не-

льзя вызвать свободного соперничества. Которое бы могло гарантировать интересы частных лиц и правительства, то ясно, что удовлетворение потребности не может быть предоставлено частной предприимчивости, а, напротив, должно составлять необходимую функцию правительства» (стр. 384–385). Г. Головачев ясно видит недостатки нашей администрации вообще и не скрывает того, что они могут развернуться с большею силой при казенном заведывании рельсовыми путями. Строгий выбор образованных людей во главе управления железнодорожным хозяйством и гласный, на административный только, но и общественный контроль за их деятельностью предохранят, однако, от административных злоупотреблений. Подтверждением взгляда г. Головачева может служить Пруссия: в этом государстве, как известно, много железнодорожных линий перешло в руки казны, и управляются эти дороги превосходно, принося правительству значительный доход.

Мы не отмечаем остальных важных выводов, к которым пришел г. Головачев, отсылая читателей к этому сочинению, которые вполне сохранило интерес и значение в наши дни. Другое названное нами исследование, магистерская и докторская диссертации г. Чупрова (*Железнодорожное хозяйство*), посвящено оценке значения и особенностей рельсовых путей сообщения в экономической жизни вообще. Эти тщательно и талантливо обработанные монографии имеют мало себе равных в западноевропейской литературе. Автор указывает в первой части своего труда на авторитетные мнения в пользу приобретения железных дорог государством. По мнению Шеффле³⁷, единственное возражение против передачи рельсовых путей государству может быть сделано только с точки зрения политики: такая передача может слишком усилить правительственную власть и сделаться опасною для свободы. Сам профессор Чупров высказывает свое заключение в очень осторожных выражениях. «Быть может, — говорит он, — в настоящее время опыт еще не дает достаточных данных для того, чтобы произвести решительную перемену в господствующей доселе политике относительно рельсовых путей. Быть может, современное устройство и финансовое состояние многих государств Европы препятствуют сосредоточить управление дорогами в руках правительств, хотя бы даже и вы-

работалось несомненное убеждение в выгодности государственного хозяйства. Но во всяком случае анализ железнодорожного производства придает весьма значительную вероятность заключению, что рано или поздно явится необходимость предать железные дороги в заведывание государства» (гл. 1, стр. 305).

Чтобы нагляднее представить читателям значение вопроса о железных дорогах, приведем несколько любопытных данных о развитии рельсовых путей сообщения*. К концу 1883 года количество железных дорог на всем земном шаре, открытых для движения, достигало 442 199 километров. *L'Economiste francais* напоминает при этом, что земля имеет, по экватору, 40 070 километров, а среднее расстояние луны от земли не превышает 388 500 километров. По выяснениям Нейман-Спалларта³⁸, сооружение мировой железнодорожной сети стоило около ста восемнадцати миллиардов франков. С конца 1879 года было построено (в четыре, следовательно, года) 92 168 километров рельсовых путей, т.е., средним числом, по 18 000 километров в год. В этот срок Северо-Американские Соединенные Штаты соорудили 56 329 километров, так что на долю всех остальных государств приходится только 35 841 километр. Всего существует железных дорог: в Америке — 224 454, в Европе — 182 913, в Азии — 18 632, в Австралии — 10 534, в Африке — 5 666 километров. В Германии к 1884 году рельсовые пути занимали 35 800, в Великобритании — 29 890, во Франции — 29 688, в России — 25 121, в Австро-Венгрии — 20 598, в Италии — 9 430 километров и т.д. Чтобы яснее понять эти цифры необходимо прибавить, что в Англии на сто квадратных километров приходится железных дорог 9,5 километра (больше только в Бельгии — 14,5 км), а в России лишь 0,5 километра. Тем не менее, и у нас железные дороги играют уже очень важную роль, и вопрос о том, как их строить, кому ими управлять, имеет громадный практический интерес. Упомянем по этому случаю, что в русской литературе есть обширное сочинение об акционерных обществах профессора Тарасова³⁹ (*Учение об акционерных компаниях*).

Понятен тот интерес, с которым ученые русские экономисты и все русское общество следят за деятельностью наших акци-

---

* Заимствуют их из *L'Economiste francais*. 1885 г., № 3, 4.

онерных компаний, ворочающих десятками и сотнями миллионов рублей. Но в этой отрасли экономической науки не появилось у нас таких работ, которые отличались бы выдающеюся оригинальностью мысли. Это и понятно: банки, различные товарищества и компании давным-давно известны Западу и изучены его политико-экономами. Все учреждения подобного характера, в общем и главном, одинаковы повсюду, ибо капитал, как известно, большой космополит. Другое мы замечаем в разработке вопроса о тех видах промышленных товариществ, которые в значительной мере составляют особенность нашей жизни. Русские артели в последние годы подверглись довольно внимательному изучению. В некоторых повременных изданиях (в том числе в *Русской мысли*) появились основательные статьи, посвященные или вопросу об артелях вообще, или отдельным видам артелей. Было издано много важного материала и по истории, и по современному положению этого рода товариществ. Но за профессором Исаевым⁴⁰ остается заслуга первого (после известного сочинения г. Калачева⁴¹ *Артели в древней и нынешней России*, 1864 года) исследования, в котором подвергся обработке уже собранный материал. Труд г. Исаева не без недостатков (он был его докторскою диссертациею), и в научном отношении, по нашему мнению, стоит значительно ниже его магистерской диссертации: *Промышленные товарищества во Франции и Германии*. Но нет никакого сомнения, что *Артели в России* оживили разработку вопроса и облегчили дорогу новым исследователям. Нужно заметить, однако, что определения г. Исаева грешат неточностью. Он приходит к такому заключению после разбора различных ответов на вопрос — что такое артель: «Артель есть основанный на договоре союз нескольких равноправных лиц, совместно преследующих хозяйственные цели, связанных круговою порукой и участвующих при ведении промысла трудом, или трудом и капиталом». А несколькими страницами далее автор присоединяет к артелям еще два класса обществ или товариществ — кредитных и страховых. Таким образом, артели становятся синонимом промышленных товариществ вообще, и их характерные особенности растворяются в книге г. Исаева, расплываются в ней. Тем не менее, повторяем, сочинение это необходимо отметить, говоря о движении русской экономичес-

кой науки, и по важности вопроса, которому оно посвящено, и количеству и качеству труда, на него положенного.

В нашу цель не входит даже беглое указание на монографии, многие из которых отличаются большими достоинствами: они не служат показателями движения науки. В этом отношении гораздо важнее такие журнальные статьи, как статья в *Слове* о нашем пореформенном хозяйстве Николая ***она⁴². Но в числе монографий по экономическим вопросам некоторые настолько выдаются по своему жизненному значению, что невозможно не упомянуть о них. Таков, например, труд профессора Янсона⁴³: *Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах*. Этот *Опыт* вызвал оживленную, даже страстную полемику и бесспорно сослужил добрую службу общественному самосознанию, неотразимо, цифрами доказавши то крайне неблагоприятное положение, в котором находится теперь, под бременем постоянных причин и случайных невзгод, значительная часть крестьянского населения империи. К этой же группе исследований относим мы превосходную диссертацию г. Ходского⁴⁴: *Поземельный кредит в России и отношение его к крестьянскому землевладению*. Сочинение это печаталось первоначально в нашем журнале и мы отметим поэтому лишь то основное заключение, к которому пришел г. Ходский после многостороннего и тщательного изучения вопроса. Автор настаивает на том, чтобы крестьянская земля, приобретенная при посредстве государства, была изъята из сферы свободного обращения. «Государство должно удержать за собою верховное право собственности на землю, оставляя неоспоримым право вечного владения и пользования ею крестьянами, с воспрещением им свободной продажи и заклада земли, приобретенной с содействием правительства» (стр. 191). Г. Ходский полагает далее, что с таким прекращением свободного обращения крестьянских земель «и при систематическом развитии выкупной операции вполне возможно создать органическую систему обширного крестьянского земельного кредита, в которой выкуп земель бывших помещичьих крестьян, выкуп земель бывших государственных крестьян и приобретение новых земель, т.е. расширение крестьянского землевладения, составят стройные части одного великого целого» (стр. 250).

К такому же, в основных чертах, выводу пришел и К.Д. Кавелин в статьях в *Вестнике Европы*, вышедших потом отдельной книгою (*Крестьянский вопрос*). Исследование знаменитого ученого охватывает этот вопрос в целом. Не экономические только условия крестьянской жизни, а весь ее строй подвергается изучению в названной книге, а потому мы и ограничимся лишь приведением следующих слов ее автора: «Преобладающий в России общественный интерес в настоящее время и надолго еще впереди, это — устройство крестьян. К этому важнейшему делу должны быть направлены все усилия правительства и общества». Эти слова мы можем сопроводить лишь одною оговоркою: если общество у нас само устроено вполне хорошо, то, разумеется, мысль К.Д. Кавелина не должна претерпеть никаких ограничений. Тяжелое положение крестьян и неудовлетворительность действующей системы податного их обложения вполне доказаны статистико-экономическими исследованиями. «О налогах, взимаемых с крестьянства, — читаем мы у профессора Алексеенко⁴⁵ (Действующее законодательство о прямых налогах), — в виду их размеров, нельзя даже сказать, что они берут известную часть дохода; эти налоги *вырабатываются* также, как вырабатывается пропитание. Налоги с торговли и промыслов оказываются, при ближайшем вникновении в дело, даже не налогами, как тягостями известных лиц, а лишь затруднениями торговой и промышленной деятельности, составными частями издержек производства, которые имеют быть восстановлены в ценах товаров и продуктов».

Сопоставляя данные и заключения, которые находятся в исследованиях русских экономистов, невольно приходишь к печальным выводам относительно современного положения нашего народного хозяйства. Только в одном серьезном труде мы нашли оптимистические соображения. Считаем своею обязанностью привести эти соображения, принадлежащие академику В.П. Безобразову⁴⁶ (*Отчет о всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года в Москве. Том VI. Общее обозрение выставки. СПб., 1884*).

«Выставка 1882 года, — говорит г. Безобразов, — так далеко превзошла во всех отношениях все предшествовавшие ей наши промышленные выставки, что сделалась настоящим

событием в нашей общественной и даже государственной жизни». «После целого ряда мрачных событий в нашей общественной жизни, — читаем мы далее, — это было первое отрадное явление, успех которого был, к тому же, единодушно признан во всех слоях и кружках нашего общества». Ученый редактор отчета очень подчеркивает нравственное значение выставки, успех которой рассеял будто бы пессимизм и уныние и уничтожил сомнения в достоинстве реформ прошлого царствования. Мы принадлежим к числу горячих сторонников основных преобразований, совершенных при Императоре Александре II, но полагаем, что никакой *промышленный* успех не может рассеять в этом отношении сомнения противников реформ, как не может этот успех усилить обаяние великих преобразований в глазах их убежденных защитников. Но возвращаемся к мыслям, которые высказывает академик Безобразов. «Торжество это (успех выставки 1882 года) было тем более убедительно, что оно произошло вскоре после продолжительного и изнурительного военного периода и вслед за целым рядом прискорбнейших явлений нашей внутренней общественной смуты. Об экономическом изнурении России после войны, об ее глубоких общественных язвах, даже об ее социальном разложении говорили не только иноземные наши недруги, но даже наши соотечественники. На все это московский промышленный праздник дал громкий, точный, неопровержимый ответ. Без всякого преувеличения, и у нас, и всюду за границей, он совсем неожиданно открыл глаза на действительное внутреннее положение России и ее рост за последние четверть века, и она представилась несравненно в более здоровом виде, чем ее рисовало воображение русских и заграничных пессимистов. Иностранцы, пишущие о России и возражающие ее хулителям, всего более ссылаются ныне на московскую выставку».

Оставаясь в пределах только экономического вопроса, мы не можем согласиться с г. Безобразовым, чтобы в его дифирамбической характеристике выставки дело обошлось *без всякого преувеличения*. В этом же общем обозрении выставки мы считаем следующие, малоутешительные строки: «В нашей публике, кроме общей умственной отсталости, при наших слабых способах сообщений, при наших пространствах, недостаточ-

ной гласности, весьма мало распространены точные сведения о России (в особенности мало технических знаний); наша публика заражена издавна грубым предрассудком, что все хорошее идет в торговлю из-за границы, и этот предрассудок отчасти поддерживается недобросовестными торговцами (предрассудок, следовательно, не особенно груб); при умственной неразвитости нашего торгового мира, он очень медленно пробивает новые пути для сбыта своих товаров, медленно расширяет их рынки и также медленно узнает новые производства и новые изделия». Затем г. Безобразов признает и такой важный факт: «как на всякой выставке, так и здесь большая часть товаров, — хотя и далеко не все, — по всем категориям принадлежали *не к заурядным, не к повседневным рыночным, а к образцовым, наилучшим, возможным*».

Итак, к чему же сводится наше промышленное торжество? Наши фабрики и заводы, огражденные таможенною китайскою стеною от соперничества западных промышленников, могут, при помощи, главным образом, иностранных директоров и мастеров, приготовить для выставки замечательно хорошие образцы разнообразных изделий. На внутреннем рынке таких товаров появляется мало. Мы видим в этом печальные результаты чрезмерного покровительства, которое искусственно выгоняет из экономической почвы фабрики и заводы, как выгоняется в подмосковных огородах тощая и невкусная спаржа для гастрономов, желающих отведать этого блюда пораньше, вопреки климату. Чтобы оказать известной отрасли обрабатывающей промышленности покровительство не в ее исключительных интересах, а в интересах всего народа, массы населения, необходимо иметь в руках точные, неопровержимые данные, которых у наших публицистов-покровителей обыкновенно не имеется. Сказанное не относится, конечно, к академику Безобразову, строй экономических воззрений которого достаточно известен всем, интересующимся успехами экономической науки в России.

Но, может быть, наши фабрики и заводы дают трудовой достаток на них работающему люду, развивают благосостояние среди местного населения? На это мы имеем ответ в строго-беспристрастных и мастерски обработанных отчетах московского и

владимирского фабричных инспекторов (кстати: что подельывают другие инспектора?), в исследованиях профессора Эрисмана и его товарищей, в многочисленных данных, появляющихся в повременной печать. Не станем на этом останавливаться: *Русская мысль* знакомила и будет знакомить своих читателей с нашим фабричным бытом. Поставим только на вид неумеренным сторонникам покровительственной системы, что в Англии, Германии, Швейцарии давно уже действует фабричное законодательство, сильно ограничивающее область приложения детского и женского и (в Англии и Швейцарии) срок мужского труда. Россия, имеющая уже закон об упорядочении детского труда, в близком будущем должна будет пойти в этом направлении далее. Какого возвышения таможенных пошлин потребуют тогда наши фабриканты и заводчики?

Подводя итоги сказанному, мы не можем не повторить сожаления о том, что в последние годы теоретическая политическая экономия была у нас отодвинута совершенно на задний план. Отсюда и происходит, в значительной мере, то шатание мысли в вопросах экономической политики, которое замечается в настоящее время. Но за то русская экономическая литература чутко отзывалась на все крупные явления в западноевропейской литературе. Маркс⁴⁷, Родбертус⁴⁸, Джорж⁴⁹ составляют предмет рассуждений и споров; их сочинения или переводятся, или излагаются. Еще большее внимание русских исследователей было посвящено на изучение нашей экономической жизни, в ее прошлом и настоящем. В этом изучении была и есть настоятельная практическая потребность, и в данном случае русская наука сумела идти рука об руку с жизненными нуждами. В числе отмеченных нами сочинений главное место и по количеству, и по качеству принадлежит профессорам университетов. Это показывает все пристрастие нареканий на деятельность наших университетов. Можно смело сказать, что русская наука вообще, — не только экономическая, — была преимущественно создана университетскими профессорами. Не подлежит ни малейшему сомнению, что немало талантливых и важных научных исследований написано в истекший двадцатилетний период людьми, не принадлежавшими к ученой университетской корпорации, но такие исследования, все-таки, составляют

меньшинство. Наука в России двигалась до сих пор, главным образом, университетами.

В историко-экономических и статистических работах, которых так много выходит у нас в последние годы, мы замечаем одно характерное явление: работы эти указывают на связь всех явлений народной жизни, на необходимость совместного изучения экономических фактов и фактов нравственного порядка. В виду сложности и громадности материала, исследователю приходится, конечно, специализироваться, но весьма часто мы встречаем при этом оговорки, заранее устраняющие упрек в односторонности. Естественно поэтому, что все реже и реже встречаются у нас доморощенные или заимствованные *простые* решения вопросов великой важности и сложности.

Один общий упрек можно, по нашему мнению, сделать русским экономистам: они мало популяризуют научные истины. Углубляясь в трудный частный вопрос, отдаваясь исследованию какого-либо мирового явления, русский ученый забывает нередко, в какой среде, при каких условиях приходится ему действовать. Масса общества отстает от движения научной мысли, так как между этою мыслью и средним русским человеком часто не бывает посредника. Авангард ушел далеко вперед, но главная армия двигается медленно, и вот в тылу авангарда начинаются на эту армию назойливые партизанские наезды. Богатство народное умножается от бумажных денег, — настойчиво и не без успеха твердят в одной стороне, — так поставьте паровую машину для создания этого национального богатства в экспедицию заготовления государственных бумаг. Запретите привоз иностранных товаров, — слышатся другие голоса, — и наша фабричная промышленность пышно расцветет. В русском обществе мало политико-экономических знаний, и поэтому всякая вздорная, но с апломбом ведущаяся пропаганда вносит в умы путаницу понятий. Мы не хотим, конечно, сказать этим, что все ученые специалисты должны сами популяризовать результаты собственных и чужих исследований: на это требуется особое расположение и талант. Мы сожалеем только о том, что у нас мало популяризаторов, а в широком распространении политико-экономических знаний, в демократизации их давно уже чувствуется глубокая и настоятельная потребность.

Примечания

¹ **Тургенев Николай Иванович** (1789–1871) — русский экономист, публицист, активный участник движения декабристов. «Опыт теории налогов» (СПб., 1818).

² **Чернышевский Николай Гаврилович** (1828–1889) — литературный критик, публицист и писатель. В 1860 г. предпринял публикацию на страницах журнала «Современник» (1860. № 2–5, 7–8, 11; 1861. № 6–12) перевода «Принципов политической экономии» Дж.С. Милля, снабженного подробными комментариями. Отдельное издание перевода первой книги труда Милля под названием «Основания политической экономии» с комментариями Чернышевского, представлявшими самостоятельный интерес, увидело свет в 1860 г. После ареста и обвинения в антиправительственной пропаганде издание комментариев, да и само упоминание имени их автора, как и указание на авторство выполненного им перевода, сделалось на долгие годы невозможным. Хотя текст перевода всех книг работы Милля публиковался еще при жизни переводчика (СПб., 1865; СПб., 1873). **Милль Джон Стюарт** (1806–1873) — британский философ, экономист классической школы и политический деятель.

³ **Смит Адам** (1723–1790) — шотландский философ, экономист, основоположник классической политической экономии.

⁴ **Рикардо Давид** (1772–1823) — английский экономист, один из создателей классической школы в политической экономии.

⁵ **Джордж Элиот** (настоящее имя Мэри Энн Эванс) (1819–1880) — английская писательница.

⁶ **Менгер Карл** (1840–1921) — австрийский экономист, методолог науки, основатель австрийской школы в политической экономии. Речь идет об отмеченном Русской мыслью факте выхода в свет книги Menger K. Untersuchungen uber die Methode des Sozialwissenschaften und der politischen Oeconomie insbesondere (Leipzig, 1883).

⁷ **Янжул Иван Иванович** (1846–1914) — русский экономист, статистик, один из первых в России фабричных инспекторов. В 1876–1898 гг. профессор Московского университета. Академик Петербургской Академии наук (1895). В 1876 г. получил степень доктора за сочинение «Английская свободная торговля. Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства. Вып. 1–2» (М., 1876–1882).

⁸ **Левитский Владимир Фавстович** (1854–1939) — русский экономист, автор работ по методологии экономической науки, истории экономики и экономических учений. «Вопрос о методе политической экономии в новейшей германской литературе» (Юридический вестник. 1884. № 12).

⁹ **Чупров Александр Иванович** (1842–1908) — русский экономист, статистик, общественный деятель. Член-корреспондент Петербургской АН. В 1875 г. Чупров защитил магистерскую диссертацию: «Железнодорожное хозяйство. Его экономические особенности и его отношение к интересам страны» (М., 1875). Докторской диссертацией стал второй том этой работы под названием «Условия, определяющие движение и сборы по железным дорогам, валовой доход и его факторы. Количество товарных грузов» (М., 1878).

¹⁰ **Иванюков Иван Иванович** (1844–1912) — русский экономист, публицист. «Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений» (СПб., 1885) была защищена в качестве докторской диссертации. Далее в статье упоминаются работы «Общинное землевладение» (Русская мысль. 1885. № 1), «Основные положения теории экономической политики с Адама Смита до настоящего времени» (М., 1880. 2-е изд. М., 1881).

¹¹ **Зибер Николай Иванович** (1844–1888) — русский экономист, один из первых популяризаторов экономического учения К. Маркса в России. «Теория ценности и капитала Д. Рикардо с некоторыми из позднейших дополнений и рассуждений» (Киев, 1871), «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (СПб., 1885).

¹² **Лешков Василий Николаевич** (1810–1881) — русский юрист, идеолог славянофильства. «Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII в.» (М., 1858).

¹³ **фон Маурер Георг Людвиг** (1790–1872) — немецкий политический деятель и юрист, с 1826 г. профессор университета в Мюнхене, с 1847 — баварский министр юстиции. Автор многочисленных научных трудов, среди которых «Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf- und Stadt-Verfassung und der Öffentlichen Gewalt» (München, 1854) (рус. пер.: «Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти») (М., 1880).

¹⁴ **фон Гакстгаузен Август** (1792–1866) — прусский чиновник, писатель по аграрным вопросам, барон. В апреле-октябре 1843 г. при материальной поддержке русского правительства совершил путешествие по Центральной России, Украине, Поволжью и Кавказу с целью изучения русской крестьянской общины. Результатом знакомства Гакстгаузена с Россией были появившиеся почти одновременно на немецком и французском языках «Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands» (Ганновер; Берлин, 1847, т. I и II). В «Со-временнике» (1857. № 7) опубликован фрагмент сочинения Гакстгаузена касавшийся общины. Русский перевод первого тома «Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (М., 1869).

¹⁵ **Ковалевский Максим Максимович** (1851–1916) — русский юрист, историк, социолог эволюционистского направления и общественный деятель. «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (М., 1879).

¹⁶ **Спиноза Бенедикт** (1632–1677) — нидерландский философ-рационалист, натуралист.

¹⁷ **Ефименко Александра Яковлевна** (1848–1918) — русский историк, этнограф, общественный деятель. Первая в России женщина — почетный доктор российской истории (1910). «Крестьянское землевладение на Крайнем Севере» (Русская мысль. 1882. Кн. 4–5; 1883. Кн. 6–8).

¹⁸ **Лалош А.А.** (? — ?) — чиновник Министерства государственных имуществ, участвовал в составлении и выдаче владенных записей по Олонецкой губернии, результатом чего стали статьи «Сельская община в Олонецкой губернии» (Отечественные записки. 1874. № 2) и «Владенные записи в Олонецкой губернии и общественно-экономическое значение их для нашего Севера вообще» (Отечественные записки. 1878. № 12). И.Ф. Масанов, раскрывая псевдоним «Л-шъ, Ал», которыми они подписаны, называет автора Александром Сергеевичем, хотя современники, ссылаясь на его работы, сопровождали фамилию Лалоша инициалами «А.А.».

¹⁹ **Соколовский Павел Александрович** (1842–1906) — русский историк, библиотекарь исторического отделения Императорской публичной библиотеки, исследователь истории русской земельной общины. «Очерк истории сельской общины на севере России» (СПб., 1877), «Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей пред крепостным правом» (СПб., 1878).

²⁰ **Щербина Федор Андреевич** (1849–1936) — русский статистик, экономист, основоположник российской бюджетной статистики, член-корреспондент Петербургской АН с 1904 г., исследователь земельной общины и артелей. «Сольвычегодская земельная община» (Отечественные записки. 1879. №. 7–8), «Русская земельная община» (Русская мысль. 1880. Кн. 5–8, 10, 11), «Земельная община в Днепровском уезде» (Русская мысль. 1880. Кн. 4), «Очерки южно-русских артелей и общинно-артельных форм» (Одесса, 1881).

²¹ **Луцицкий Иван Васильевич** (1845–1918) — русский историк-медиевист, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской АН с 1908 г. Архивные разыскания дополнял изучением пережитков, наблюдением и описанием живой практики общинной организации в Украине. «Общинное землевладение в Малороссии (Золотоношский уезд Полтавской губернии)» (Устои. 1882. № 7), «Следы общинного землевладения в Левобережной Украине XVIII века» (Отечественные записки. 1882. № 11).

²² **Орлов Василий Иванович** (1848–1885) — русский экономист, земский статистик. С 1875 г. заведовал статистическим отделением при Московской губернской земской управе, выработал метод сплошного подворного исследования крестьянских хозяйств в целых уездах путем опроса представителей дворов, домохозяев. «Формы крестьянского земледелия Московской губернии» в Сборнике статистических сведений по Московской губернии (т. 4, вып. 1, М., 1879).

²³ **Посников Александр Сергеевич** (1846–1921) — русский экономист, статистик и публицист. В 1875 г. защитил магистерскую диссертацию, в качестве которой был представлен первый том работы «Общинное землевладение» (Ярославль, 1875). В 1878 г. в качестве докторской диссертации защитил второй том работы (Одесса, 1877).

²⁴ **Васильчиков Александр Илларионович** (1818–1881) — русский общественный деятель, публицист, князь. В своих работах по проблемам аграрных отношений выступал за сохранение в общины, видя в ней средство спасения от классовой борьбы и революции. «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах» (в 2 т. СПб., 1876).

²⁵ **Кавелин Константин Дмитриевич** (1818–1885) — русский юрист, историк, философ, публицист. Работая над своим курсом «Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений», И.И. Иванюков, испросив на то разрешение, изложил раздел, посвященный общине, «по Кавелину». Результатом творческой переработки и развития идей Кавелина стала и статья «Общинное землевладение». В статье также упоминается работа Кавелина «Крестьянский вопрос. Исследование о значении у нас крестьянского дела, причинах его упадка, и мерах к поднятию сельского хозяйства и быта поселян» (Вестник Европы. 1881. Кн. 3, 8, 9–12; отд. изд. СПб., 1882).

²⁶ **Анисимов Иван Яковлевич** (1852–1892) — русский общественный деятель, секретарь Полтавской губернской земской управы, публицист, участник земско-статистических исследований. «Разложение нашей земельной общины» (Вестник Европы. 1885. № 1).

²⁷ **Воронцов Василий Павлович** (псевдоним — В.В.) (1847–1918) — русский экономист, социолог и публицист, идеолог народничества. «Судьбы капитализма в России» (СПб., 1882).

²⁸ **Головачев Алексей Адрианович** (1819–1903) — русский общественный деятель и писатель. Управлял контрольными палатами псковской и саратовской, а затем состоял директором от правительства в правлении Донецкой железной дороги. «История железнодорожного дела в России» (Сборник государственных знаний, 1875–1876), отдельное издание (СПб., 1881). Статьи Головачева по истории железнодорожного дела сделали достоянием общественности факты хищений государственной собственности, обремененных в легальную форму.

²⁹ **Максимильен де Бетюн, герцог Сюлли** (1560–1641) — французский государственный деятель, глава французского правительства при короле Генрихе IV. Известен своими реформами, направленными на развитие сельскохозяйственного производства, облегчение положения земледельцев, снижение налогового на них бремени. Полагал, что свобода совершения сделок и правильная заграничная торговля особенно важны для развития земледелия.

³⁰ **«Государственное хозяйство во Франции XVII века. Исторический очерк»** (М., 1878) — ранняя работа В.А. Гольцева, относящаяся к периоду его биографии, когда он, выпускник юридического факультета Московского университета, был оставлен для приготовления к профессорскому званию. Сдав магистерский экзамен по финансовому праву и политической экономии, Гольцев был отправлен за границу. Результатом поездки и занятий в университетах Парижа, Гейдельберга, Вены и Лейпцига стала настоящая работа — его магистерская диссертация.

³¹ **Шмоллер Густав** (1838–1917) — немецкий экономист, историк, государственный и общественный деятель, лидер «новой» немецкой исторической школы.

³² **Гегель Георг Вильгельм Фридрих** (1770–1831) — немецкий философ, общественный и государственный деятель.

³³ **Песков Петр Александрович** (1835–1918) — русский врач, доктор медицины, специалист в области медицинской статистики и географии, окружной инспектор Владимирского фабричного округа, старший инспектор в Тверской губернии. «Описание Дурькинской волости Московского уезда в санитарном отношении (М., 1879), «Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ. Вып. 1» (М., 1882), «Фабричный быт Владимирской губернии. Отчет за 1882–1883 г. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих» (СПб., 1884).

³⁴ **Эрисман Федор Федорович** (настоящее имя — Фридрих Гульдрейх), (1842–1915) — русско-швейцарский врач-гигиенист; создатель основополагающих принципов общественной гигиены и социально-гигиенического направления медицины, специалист в области санитарной статистики.

³⁵ **Осипов Евграф Алексеевич** (1841–1904) — русский врач, один из активных деятелей земской медицины и основоположников российской санитарной статистики.

³⁶ **Погожев Александр Васильевич** (1853–1913) — русский санитарный врач, статистик, публицист, автор многочисленных работ по статистике труда, фабричному законодательству, профессиональной гигиене, промышленной медицине.

³⁷ **Шеффле Альберт Эберхард Фридрих** (1831–1903) — немецкий и австрийский экономист и социолог, представитель «органической школы». Рассматривал общество как организм, который развивается

по дарвиновскому принципу борьбы за существование, анализировал роль коллективной собственности в процессе распределения и производства.

³⁸ **Нейман-Спалларт** (Neumann, Franz Xavier v. Spallart) (1837–1888) — австрийский экономист, статистик, профессор венского университета, один из учредителей международного статистического института.

³⁹ **Тарасов Иван Трофимович** (1849–1929) — русский юрист, экономист, общественный деятель и публицист. Книга «Учение об акционерных компаниях» (Киев, 1878) была защищена им в Московском университете в 1880 г. в качестве докторской диссертации на степень доктора полицейского права.

⁴⁰ **Исаев Андрей Алексеевич** (1850–1919) — русский экономист, статистик, публицист. Работа «Промышленные товарищества во Франции и Германии» (М., 1879) защищена в качестве магистерской диссертации. В 1881 г. защитил докторскую диссертацию «Артели в России» (Ярославль, 1881).

⁴¹ **Калачов Николай Васильевич** (1819–1885) — русский юрист, историк, архивист, археограф, академик Петербургской АН с 1883. Издавал сборники материалов и исследований по истории, праву, русскому фольклору и т.п. «Артели в древней и новой России» (Этнографический сборник. 1864. Кн. 2; отд. изд. СПб., 1864).

⁴² **Даниельсон Николай Францевич** (псевдоним — Николай-он) (1844–1918) — русский экономист, публицист, общественный деятель. «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (Слово. 1880. № 10). Работа составила первую часть книги, опубликованной под тем же заглавием (СПб., 1893).

⁴³ **Янсон Юлий Эдуардович** (1835–1893) — русский экономист, статистик, член-корреспондент Академии наук (1892). «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах» (СПб., 1877).

⁴⁴ **Ходский Леонид Владимирович** (1854–1919) — русский экономист, статистик, публицист. Работа «Поземельный кредит и отношение его к крестьянскому землевладению» (М., 1881) была защищена на степень магистра политической экономии (1883).

⁴⁵ **Алексеев Михаил Мартьянович** (1847–1917) — русский юрист, профессор финансового права, общественный деятель. «Действующее законодательство о прямых налогах» (СПб., 1879).

⁴⁶ **Безобразов Владимир Павлович** (1828–1889) — русский экономист, публицист умеренно-либерального направления, академик, сенатор.

⁴⁷ **Маркс Карл** (1818–1883) — немецкий философ, экономист, общественный деятель.

⁴⁸ **Родбертус-Ягцов Карл Иоганн** (1805–1875) — немецкий экономист, историк, публицист и общественный деятель.

⁴⁹ **Джордж Генри** (1839–1897) — американский экономист, публицист и политик. Известность автору принесла книга «Прогресс и бедность», которую вскоре выхода в свет (1879) перевели почти на все европейские языки. Русский перевод — под названием «Прогресс и бедность по Генри Джорджу» (СПб., 1884).

Публ. и прим. *Д.Я. Майдачевского*

Информация о публикаторе и авторе примечаний

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: maid1960@mail.ru.

Author of comments

Maidachevsky Dmitry Yaroslavovich — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin Street, Irkutsk, 664003, e-mail: maid1960@mail.ru.